

ЭВАРИСТ ПАРНИ
СТИХОТВОРЕНИЯ.
ВОЙНА БОГОВ

ПЕРЕВОД
ВАДИМА ШЕРШЕНЕВИЧА

Звезды зарубежной поэзии

Эварист Парни

Стихотворения. Война богов

«Водолей»

2016

УДК 821.133.1
ББК 84 (4Фра)

Парни Э.

Стихотворения. Война богов / Э. Парни — «Водолей»,
2016 — (Звезды зарубежной поэзии)

ISBN 978-5-91763-277-3

Произведения выдающегося элегического поэта Франции Эвариста Парни (1753–1814) публикуются в переводах одного из представителей поэзии Серебряного века Вадима Шершеневича. Над ними он работал в 1937–1940 гг., полностью завершив перевод знаменитой поэмы «Война богов» (впервые в России) и более половины стихотворений не менее знаменитой книги «Эротические стихи». В отличие от известных переводчиков Парни, только Шершеневичу удалось бережно сохранить форму оригинала. Переводы стихотворений (кроме пяти) и поэмы, а также статья «Пушкин – переводчик Парни» публикуются впервые. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.133.1

ББК 84 (4Фра)

ISBN 978-5-91763-277-3

© Парни Э., 2016

© Водолей, 2016

Содержание

От переводчика	6
Эротические стихи. <Poésies érotiques>	15
Из книги первой	16
Завтрашний день. Элеоноре. <Le lendemain. A éléonore>	16
Скромность. <La discrétion>	16
Извещение. <Billet>	17
Страх. <La frayeur>	17
Стихи, вырезанные на померанцевом дереве. <Vers gravés sur un oranger>	18
Да сохранит вас бог. <Dieu vous bénisse>	18
Опасное лекарство. <Le remède dangereux>	19
Завтра. <Demain>	20
Призрак. <Le revenant>	20
Райские места. <Les paradis>	21
Отрывок из Алкея, греческого поэта. <Fragment d'Alcée, roète greo>	23
Цель учений. <Plan d'études>	24
Желание одиночества. <Projet de solitude>	25
Из книги второй	26
Охлаждение. <Le refroidissement>	26
К ночи <A la nuit>	26
Возврат. <La rechute>	26
Элегия <Élégie>	27
Досада. <Dépit>	28
Другу, обманутому любимой. <A un ami trahi par sa maîtresse>	29
Моим друзьям <A mes amis>	30
Неверным <Aux infidelles>	30
Отречение. <Palinodie>	31
Из книги третьей	33
Сон. <Le songe. A m. De f...>	33
Неудавшийся вояж. <Le voyage manqué. A m. De f...>	33
Моя смерть. <Ma mort>	34
Нетерпение. <L'impatience>	35
Любовное размышление. <Réflexion amoureuse>	36
Букет любви. <Le bouquet de l'amour>	36
Из книги четвертой	37
Элегия VIII. <Élégie VIII>	37
Война богов. La guerre des dieux	38
Песнь первая	39
Песнь вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эварист Парни

Стихотворения. Война богов

© В. А. Дроздов, составление, послесловие, 2016

© Издательство «Водолей», оформление, 2016

* * *

От переводчика

*...Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в эти дни.*

Этой цитатой из «Евгения Онегина» необходимо начать статью о Парни; с именем Пушкина должно быть связано всякое наше обращение к Парни, потому что Парни нам дорог не только как прекрасный, несправедливо забытый поэт-эпикурец Франции, но и как один из первых вдохновителей Пушкина, который до конца своих дней небрежно, с величием гения, заимствовал из богатой сокровищницы Парни.

Ниже я остановлюсь подробнее на влиянии Парни на Пушкина, пока же мне хочется отметить, что грустная констатация вышеприведенной фразы «Онегина» продолжает быть грустным фактом и в наши дни: достаточно указать, что только в сборнике «Французские лирики XVIII-го века», собранном И. М. Брюсовой, представлены более или менее полно переводы Парни. Мы до сих пор не имеем перевода на русский язык не только поэм Парни, но даже сколько-нибудь законченных циклов; существуют переводы, и то весьма отдаленные, только отдельных стихотворений; более того: в «Малой Советской Энциклопедии» редакция просто умудрилась пропустить Парни.

Парни переводили (в плане отдельных стихотворений) Жуковский, Батюшков, Пушкин, ряд поэтов пушкинской эпохи и ряд стихотворцев послепушкинской; но и Пушкин, и Батюшков давали читателю не перевод (Пушкин, по свойству своего гения, не склонен был следовать чужому), а только подражание, иногда, как, напр<имер>, в Пушкинском «К Морфею», быть может, превосходящее оригинал!

Надо сказать совершенно откровенно, что Парни является для русского читателя «прекрасным незнакомцем», и советский читатель вправе недоумевать: почему на его родном языке нет строк поэта, столько раз превознесенного строгим Пушкиным?

Мне кажется, что уместно напомнить мысль еще одного ревностного поклонника Парни, Батюшкова: «Одно невежественное упрямство любит и старается ограничить наслаждения ума».

Не это ли «упрямство» ограниченных «вершителей» судеб переводной поэзии и ее переводчиков, вроде знаменитого П. Вейнберга, переведившего буквально всех поэтов со всех языков, – и лишило нас знакомства с Парни? Мог ли Вейнберг (я называю это имя как нечто собирательное) взяться за Парни, когда тот же Вейнберг в «Энциклопедическом Словаре» Брокгауза и Эфрона легко отделался от Парни следующими строками: «Узкость кругозора, отсутствие "изобретательности" и "волшебства кисти", подчинение фальшивым [?] ¹ влияниям, – все это, однако, вдвинуло [?] Парни в ряд тех писателей, о которых история литературы упоминает только потому, что в свое время они играли более или менее значительную роль».

В этих строках, написанных суконным языком, в строках, где цитируется отзыв Сент-Бева о Парни (без указания на этот отзыв и с удалением всех похвал Парни со стороны Сент-Бева), – приговор Парни, которого столько раз восторженно хвалил Пушкин и к которому обратился не слишком щедрый на похвалы и завистливый Вольтер со словами: «Мой дорогой Тибулл!».

Приговор «первому элегическому поэту не только своего времени, но и вообще французской поэзии», как написал де Фонтан <член Французской академии Louis de Fontanes> и как повторяли все остальные критики Франции! Приговор Парни, которого, как отмечает Д. Бла-

¹ Здесь и далее вопросительный знак в скобках вставлен в цитату В. Шершеневичем.

гой в «Литературной Энциклопедии», похвалил Маркс, тонкий ценитель французского искусства!

Приговор Парни, о котором Беранже, издавший его сочинения, писал: «Мои колючие стихи могли вырасти только над могилой богохульного Парни!» Приговор Парни, которого современная ему французская критика именovala «первым классическим поэтом века Людовика XVI-го»; Парни, на котором учились Шатобриан и Ламартин!

К поэтам часто бывает несправедлива жизнь; к Парни оказалась несправедлива смерть! Недаром в одном из своих очерков Реми де Гурмон писал: «Казалось, что молодые поэты пили летейскую воду специально для того, чтоб забыть Парни!»

Эварист Дезире де Форж (а не Дефорж, как ошибочно писали наши литературоведы, начиная с П. Морозова²), шевалье, а позже виконт де Парни родился 6-го февраля 1753 г. в Сен-Поле, на острове Бурбон, ныне острове Соединения <Реюньон>. Это была французская колония в Индийском океане, на юго-востоке Африки.

Парни принадлежали к знатной фамилии на острове, куда они прибыли сравнительно незадолго до рождения Эвариста. Девяти лет Эварист был отправлен во Францию, где и поступил для учения в Реннский колледж. Там Парни оказался, как отмечает «grand dictionnaire universel – Larousse», товарищем по учению с Женгенэ, который навсегда остался другом Парни и, будучи позже редактором-издателем «Декады», немало способствовал славе своего школьного товарища-креола. Парни получил в колледже полу-либеральное, полу-клерикальное воспитание. Обладая живым и пламенным характером, Парни собирался сначала пойти по духовной линии. Однако, скоро, после изучения библии, религиозность Парни уступила место сначала сомнениям, а потом и просто неверию. К этому прибавилось еще желание отца, и Парни легко сменил мечты о монашестве на Военную школу в Париже, откуда молодой креол был выпущен в кавалерию в чине ротмистра (capitaine).

В полку Парни познакомился с шевалье де Бертенем <Antoine Bertin>, тоже креолом, тоже уроженцем острова Бурбон; Бертен был старше Парни и познакомил последнего с новейшими философскими учениями; недаром Бертену был посвящен первый отрывок «Войны богов». Начиная с первого знакомства, дружба двух юношей, схожих по характерам, вкусам и воззрениям, более не прерывалась. Оба они вступили в общество, носившее название «Казарма» и несколько напоминавшее «Зеленую Лампу», куда был привлечен Пушкин. Оба друга писали стихи, и в 1777-ом году Парни дебютировал в «Альманахе Муз».

Стихи Парни, как и окружавших его поэтов, были не оригинальны и находились под влиянием «галантной школы».

Отец вызвал Парни на родину, и там молодой поэт встретился и скоро пламенно влюбился в ту, кого он стал воспевать под именем Элеоноры и кто на самом деле была юной девицей де Труссаль. Отношения девицы и ее учителя музыки (в этой роли состоялось их знакомство) настолько наладились, что родители Элеоноры потребовали от кавалерийского офицера объяснений. Парни предлагал загладить свой поступок браком, но его родители отказали ему. Все уговоры были тщетны. Отец послал поэта обратно в Париж, и в его отсутствие «поспешная в любви» девица была выдана замуж за врача.

Некоторые историки литературы³ предполагают, что в IX-ой песне «Войны богов» Парни изобразил свои отношения с де Труссаль в рассказе истории Теклы и Нельсона.

² Морозов П. Пушкин и Парни. В кн.: Собр. соч. Пушкина в 6 томах. Т. 1. Изд. Брокгауз-Ефрон. 1907. По-французски Парни пишется «de Forges», а не «Deforges». Кстати, ошибка П. Морозова произошла, вероятно, оттого, что он вспомнил фамилию пушкинского француза из «Дубровского», Дефоржа. Странно, что П. Морозов, который биографию Парни почти полностью перевел из словаря Лярусса, не заметил ошибки своего правописания, хотя словарь как раз предупреждает о возможности этой ошибки (примеч. В. Шершеневича).

³ В том числе Бревэ (примеч. В. Шершеневича).

Там, на острове Бурбон, были написаны те автобиографические стихи, которые, будучи разбиты на четыре цикла, были изданы Парни по возвращении в Париж (в 1778 г.) под названием «Эротические стихи» и по поводу которых Сент-Бев писал: «Низменное название! Низменное, по причине тех чувств, которые возникают при слове "эротический"; книгу бы следовало назвать "Элегии"!», и позже: «можно не простить Парни скучной "Розы и Крест", можно быть раздосадованным на свободомыслие и непристойность "Войны богов", но томика "эротических стихов" не смеет забыть никто».

Когда том этих стихов, написанных Парни в возрасте от 20 до 24 лет, был дан автором уже умиравшему Вольтеру, которого Парни навестил, – Вольтер обнял Парни, произнеся фразу о Тибулле, давшую славу Парни. Здесь некая параллель с судьбою Пушкина: не так ли юного Пушкина, молодого поэта если не с креольской, то тоже с африканской кровью, приветствовал, «в гроб сходя», Державин?!

Парни не хотел признавать ни разлуки со своей Элеонорой, ни брака последней и мечтал о новых встречах. Он уезжает из Парижа и в качестве адъютанта сопровождает де Сульяка, посланного губернатором в Бурбон. Через год Парни покидает Бурбон, возвращается во Францию и подает в отставку, купив себе имение возле Сен-Жермена.

Вот как описывает Шатобриан Парни этих лет:

«Шевалье Парни был высок, строен, смугл; у него были живые, черные глаза... Однажды мы провели с ним пять часов в беседе, и он мне говорил об Элеоноре. Оказывается, что, когда он покидал в последний раз остров, Элеонора прислала к нему негритянку, прося прийти на свидание. Это была та самая негритянка, которая так часто прежде сопровождала Элеоноре при ее сладостных встречах с Парни. Корабль, который должен был увезти Парни в Европу, стоял на якоре. Он должен был отплыть ночью. Представьте себе, что испытывал возлюбленный Элеоноры, получивший это приглашение через негритянку! Сколько воспоминаний! Элеонора была блондинкой, не очень красивой, но обаятельной и внушавшей страсть».

Захваченный Революцией, Парни не сетовал; более того, он понимал необходимость и нужность этих событий, Парни приветствовал Революцию, хотя она отняла у него 50.000 ренты. Лишенный средств существования, он, быстро освоившись с новым порядком, стал заниматься литературой как ремеслом. Парни писал о Революции (письмо к Женгенэ, цитируемое Леметром) те соображения, которые трудно было предположить в изнеженном шевалье: «Идти против Революции это значит препятствовать движению, которое делает мир, чтоб занять лучшее и более естественное положение. Я не люблю кровь; она меня пугает; мне казалось, что я утону в ней, но если без нее нельзя обойтись, будущее простит настоящее».

Однако, Парни пишет для заработка то, что он не считает возможным опубликовывать позже, и только после прихода Директории Парни снова принимается за ту поэзию, которую он считает достойной себя.

Проработав некоторое время в качестве чиновника при министерстве двора, Парни окончательно порывает со всеми службами.

В 1799-ом году Парни выпускает «Войну богов» (П. Морозов почему-то относит это издание к 1800-му году), свою большую эротическую и антирелигиозную поэму, которая вызвала ряд восторгов при издании, но позже, когда нравы переменялись, причинила автору много неприятностей.

После «Войны» Парни выпускает еще ряд поэм. В 1802-ом году Парни, отказавшись от брака с овдовевшей Элеонорой, женится на вдове-креолке Марии Франсуазе Валли и умирает в 1814-ом году, в Париже, от изнурительной лихорадки, захваченной им еще в Бурбоне.

Литературное наследство Парни таково:

«Путешествие из Бургундии» <Voyage de Bourgogne> – 1777;

«Послание к бостонским инсургентам» <Épître aux insurgents de Boston> – 1777;

- «Эротические стихи» <Poésies érotiques> – 1778;
- «Любовные стишки» <Opuscules poétiques> – 1779;
- «Мадагаскарские песни» <Chansons madécasses> – 1787;
- «Война богов» <La Guerre des Dieux> – 1799;
- «Годдам!» <Goddam!> – 1804;
- «Украденный портфель» («Потерянный рай», «Притворство Венеры», «Библиейские приключения») <Le portefeuille volé (Le paradis perdu, Les déguisements de Venus, Les galanteries de la Bible)> – 1805;
- «Путешествие Селины» <Le voyage de Céline> – 1806;
- «Иснель и Аслега» <Isnel et Asléga> – 1808;
- «Роза и крест» <Les Rose-Croix> – 1808⁴.

Из всего этого на русский язык полностью не переведено ни одно произведение.

Может быть, и не надлежит оперировать суждениями неопубликованными, но бывают случаи и положения, когда от этого очень трудно удержаться. Беседуя еще в эпоху раннего футуризма с В. Я. Брюсовым, я услышал от него следующее мнение: «В поэзии не существует никаких канонов, от которых нельзя было бы талантливо отказаться при одном условии: чтоб поэзия осталась поэзией. Что же является совершенно обязательным для стихов, то, без чего они перестают быть стихами? Это – их убедительность, вытекающая из внутренней невозможности для автора сказать то же самое не стихами. Это то, что у нас неточно и неверно называют искренностью. Конечно, при этом необходимо, чтоб эта "искренность" сочеталась с формальным мастерством, когда автору есть не только "что" сказать, но и "как" об этом сказать, потому что в вопросах поэзии часто "как" и бывает "что". И тем не менее, как это ни странно, я знаю один случай в мировой поэзии, когда "искренность" поэта была настолько велика, что, даже не подкрепленная сколько-нибудь четким мастерством, она действовала и на современников и действует на меня. Я говорю о стихах Парни. Вот поэт, который писал так откровенно, что избег опасности быть автором стихотворных дневников, где пишут не "о чем", а "для кого-то"».

Я не ручаюсь за точность слов, но гарантирую точность смысла, потому что эти слова великого мастера стиха и перевода, каким был В. Я. Брюсов, так шли вразрез с моими взглядами тех дней, что остались у меня в памяти, – и действительно, через много лет после этой беседы, изучая Парни и работая над переводом, я убедился еще раз, что никто из моих современников не умел так верно, точно и оригинально определить сущность поэта, как Брюсов.

Поэзия Парни, особенно периода «Эротических стихов», – это «предельная искренность», которой бывает трудно достичь прежде всего потому, что для этого нужно победить всю душевную застенчивость, которая есть в сердце пишущего; всякий мастер стиха что-то прячет от читателя, заменяя это сокровенное поэтическим вымыслом и мазком, уводящим в сторону; Парни же – не прятал ничего. Он вдыхал жизнь и любовь полной грудью и таким же полным выдохом отдавал стихи.

Но, ставя перед собой задачу писать статью о творчестве Парни, я должен был остановить внимание читателя на этой стороне лирики Парни, потому что и в «Войне богов», поэме, написанной в антирелигиозной манере Вольтера, Парни умудрился сочетать иронию и ненависть к христианству автора «Орлеанской девственницы» со своей трогательной откровенностью.

«Война богов» была сначала напечатана отрывками. Напечатанная полностью, она была с улыбкой принята эпохой Директории, привыкшей к еще большей эротике; эпоха не усмотрела ничего страшного в мыслях Парни уже по одному тому, что вопросы религии не слишком интересовали общество. Эпоха Регентства отнеслась к поэме совершенно иначе. Вольнодум-

⁴ В приведенный переводчиком список произведений Парни внесены правки, касающиеся состава сборника «Украденный портфель» и годов изданий книг «Эротические стихи», «Любовные стишки» и «Годдам!».

ство было не в моде. Поэма послужила причиной тому, что кандидатура Парни в академики провалилась (он был избран только в 1803 году, и то с большим трудом), а в 1827 году «Война богов» была осуждена и сожжена.

«Война богов» изображает временную, как утверждает Парни, победу христианства над язычеством, Парни рисует разложение христианства и почти точно описывает конец не только христианства, но и религиозности вообще. Он совершенно правильно утверждает, что начало гибели христианства произойдет от рук тех, кто больше всего держался за христианство. Ни разу не согнав улыбку со своего пера, Парни описывает и ужасы христианства, и его гибель. Он разлагает Троицу на витиеватого Святого Духа, глуповатого Иисуса-Сына и торжественного Бога-Отца с точностью хирурга или химика. Он с ехидством настоящего энциклопедиста шаг за шагом демонстрирует фарисейство христианства и остроумно и язвительно указывает на все автоматические позаимствования христианства из языческих мифов; перед читателем с предельной убедительностью за образом Самсона начинает вырисовываться фигура Геракла, и по жезлу Моисея завивается виноград Вакха. Парни на каждом шагу старается показать, что христианство не только украло у язычества все свои легенды, но и объединило содержание этих новелл. «Война богов» это не антиклерикальная, а действительно антирелигиозная поэма.

Друг Парни, критик Женгенэ (цитирую по статье П. Морозова) писал: «Боги-победители являются здесь настолько же смешными в своей победе, как побежденные в своем поражении; ни те, ни другие ничего не выигрывают». Д. Благой в «Литературной Энциклопедии» совершенно правильно пишет, что «написанная <...> в пореволюционное время "Война богов" явилась одним из самых разрушительных антицерковных и вообще антихристианских произведений мировой литературы», и также правильно отмечает, что симпатии Парни на стороне богов языческих.

Шлегель относится к «Войне» с непонятным пуританизмом и, отмечая несколько наиболее удачных мест (пародия семи таинств, крещение Приапа и сатиров, история Таис и Эли-нена, нравы женского монастыря и т. д.), делает общее заключение: «"Война", несмотря на свое титаническое название, представляет только изящную миниатюрную работу».

Но как бы ни были придирчивы отзывы отдельных критиков, для нас важно уже одно то обстоятельство, что Пушкин многократно подражал Парни, причем и он сам, и его исследователи далеко не всегда отмечали эти позаимствования и подражания.

Н. Огарев, первый издатель «Гаври<и>лиады»⁵, пишет: «"Гавриилиада" принадлежит к произведениям раннего возраста поэта и без сомнения отзывается влиянием Парни. Рассказ Сатаны о том, как и почему он научил Еву отведать запрещенного плода, и прилет голубя имеют всю силу и прелесть лучших позднейших произведений Пушкина». Но тот же Н. Огарев забывает отметить, что весь рассказ о голубе, как и жизнь Адама с Евой в раю, – это простой, почти дословный пересказ соответствующего места из второй песни «Войны». Не отмечает этого и В. Брюсов, трижды писавший предисловия и примечания к «Гавриилиаде».

П. Морозов в своей статье «Пушкин и Парни» дает кропотливо и добросовестно сделанный перечень позаимствований Пушкина у Парни, отмечая, что явно или утаенно, полно или частично тень Парни диктовала Пушкину следующие стихотворения: «Измены», «Эвлега», «Леда», «Моему Аристарху», «К живописцу», «Фавн и пастушка», «К Морфею», «Я думал, что любовь погасла навсегда...», «Опять я ваш, о юные друзья...», «Я видел смерть; она в молчанье села...», «Любовь одна – веселье жизни хладной...», «Письмо к Лиде», «Добрый совет»,

⁵ Здесь и далее дается название поэмы Пушкина, утвердившееся после ее публикации под редакцией Б. Томашевского, – «Гавриилиада» (Пушкин А. С. Гавриилиада / Ред., примеч. и коммент. Б. Томашевского. – Пг., 1922), хотя Шершеневич везде пишет «Гавриилиада», как это делали до него многочисленные издатели этой поэмы (Гавриилиада. Сочинение А. С. Пушкина. Эротическая поэма. – Б.м., 1889; Пушкин А. С. Гавриилиада. Полный текст поэмы. – Киев: Тип. А. М. Лепского, 1918; Пушкин А. С. Гавриилиада. Полный текст / Вступ. ст. и кр. примеч. Валерия Брюсова. [Изд. 2-е.] – М.: Альциона, [1918] и др.).

«Деревня», «Платонизм», «Нереида», «Гавриилиада», «Прозерпина», «Ты – богоматерь, нет сомненья...», – не касаясь ряда отдельных образов или выражений.

Какой поэт может гордиться тем, что Пушкин так много унаследовал от него? В этом отношении только Байрон мог бы конкурировать с Парни!

Кроме частично отмеченных (в самом тексте перевода читатель найдет более конкретные указания) прямых позаимствований, необходимо отметить сильное влияние Парни на «Гавриилиаду» в плане так называемых лирических отступлений; эта манера Парни понравилась Пушкину, и это сказалось не только на «Гавриилиаде», но и на более поздних поэмах Пушкина.

Перед переводчиком «Войны богов», которая до сих пор не была переведена на русский язык, вставал ряд трудностей, если переводчик отказывается от механистического перевода.

Парни пользуется не только мифологическими намеками, которые в большинстве случаев или известны, или разгадываются без особого труда. Значительно сложнее дело обстоит в тех случаях, когда Парни переходит к истории и особенно к истории религиозных течений, сект, ересей, расколов; тут поэт пользуется материалами, которые теперь найти просто невозможно, и из-за этого иногда невозможно расшифровать те или иные намеки.

Кстати, необходимо отметить, что мы на русском языке не имеем никаких пособий в этом деле. Энциклопедические словари не только общего плана, как дореволюционные Граната, Брокгауза и Эфрона, «Просвещения» и послереволюционная Большая и Малая Советская Энциклопедии, но и специальные, как «Литературная энциклопедия», – ни переводчику, ни читателю не помогут Мифология, история новелл, предания, собственные имена (за исключением самых известных), столь часто используемые классиками, – почти начисто отсутствуют.

Несмотря на помощь Большой Британской Энциклопедии и Большого Лярусса, – некоторые, хотя и немногочисленные намеки на те или иные эпизоды, некоторые имена собственные – мне так и не удалось раскрыть с абсолютной точностью.

Об именах собственных. В этом отношении существует требование фонетического перевода имен. Вопреки ему, я всюду старался придерживаться традиционной транскрипции, не гонясь за фонетической точностью и соблюдением ударений подлинника. На этот путь я встал по следующим двум соображениям: во-первых, в «Войне» такое количество имен, зачастую совершенно неизвестных читателю, что он неизбежно запутался бы в этих именах, если у него отнять возможность хоть изредка находить знакомые имена; с другой, – если в переводе с латыни или греческого римских или греческих имен эта точность (как, например, в переводе Брюсовым «Энеиды») дает возможность сохранить размер подлинника, то при переводе галлицизированных, непременно имеющих ударение на последнем слоге, имен римской мифологии этот принцип излишен. Странно было бы привычную «Венеру» переводить, следуя Парни, как «Венерис» или возвращать ее к антике и читать как «Венус» с ударением на первом слоге или даже «Венерис» в родительном, тоже с ударением на первом; Юпитера я должен бы по Парни писать с ударением на последнем слоге или, латинизируя его, переключать на «Иове». Поэтому, чтоб не запутывать читателя, я всюду придерживался транскрипции свойственной и привычной русской поэтической традиции.

Все имена собственные, как мифологические, так и исторические, а иногда и географические, я счел нужным внести в словарь примечаний, куда я выносил только те данные, которые имеют отношение к пользованию поэтом этим именем в «Войне богов»; так, указывая, что Фенрис это волк скандинавской мифологии, я не останавливался подробно на его происхождении, но указывал, что по преданию он при гибели вселенной должен будет пожрать все живущее, потому что именно об этом пишет Парни.

Для этих примечаний мне пришлось перерывать ряд справочников, и все-таки некоторые имена для меня самого не совсем ясны (например, кто такая «смуглая Верта в Англии»), в чем я считаю нужным откровенно признаться, не отнимая возможности у более сведущих лиц поправить или дополнить меня.

Еще большие затруднения я испытывал при передаче формы поэмы Парни. Перевести содержание лирической поэмы и не «перевести» ее формы – это значит не перевести ничего.

Я считаю не лишним дать две цитаты. Одна из них принадлежит Фету, почему-то забытому у нас в плеяде лучших переводчиков (цитирую Фета по книге Чуковского «Искусство перевода»): «Самая плохая фотография или шарманка доставляет более возможности познакомиться с Венерой Милосской, Мадонной или Нормой, чем всевозможные словесные описания. То же самое можно оказать и о переводах гениальных произведений. Счастлив тот переводчик, которому удалось достигнуть той общей прелести формы, которая неразлучна с гениальным произведением: это высшее счастье и для него, и для читателя. Но не в этом главная задача, а в возможной буквальности перевода; как бы последний ни казался тяжеловат и шероховат на новой почве чужого языка, читатель с чутьем всегда угадает в таком переводе силу оригинала, тогда как в переводе, гонящемся за привычной и приятной читателю формой, последний большей частью читает переводчика, а не автора».

Эту цитату необходимо особенно помнить теперь, когда мы стали переводить наших национальных поэтов так, что читатель (как я, например), не знающий этих национальных языков, может наивно предположить, что форма казахского поэта ничем не отличается от формы абхазского и что Джамбул пишет тем же лексиконом, пользуется той же грамматикой и словарем, какими пользовался Шота Руставели.

Как бы перекликаясь с Фетом, Брюсов пишет: «Получился прозаический пересказ содержания поэмы, хотя почему-то и изложенный гекзаметром. Получился даже не гипсовый слепок с мраморной статуи, а описание этой статуи, сделанное добросовестно, дающее о ней сведения, но конечно не производящее никакого художественного впечатления»⁶.

Теперь уже никого не увлечет призыв перевести «Ад» Данте «во имя большей близости» не терцинами; призыв, брошенный в свое время Якубовичем-Мелыпиным (предисловие к переводу Бодлера).

Вставши на точку зрения обязательности сохранения размера, совпадения количества строк (принцип эквilinearности) и чередования рифм, кстати сказать, очень прихотливого в «Войне богов», я вынужден был разрешить еще несколько вопросов.

«Война богов» написана десяти- и одиннадцатисложными строками, т. е. тем размером, который мы передаем пятистопным ямбом с мужской и женской рифмой; размером, которым написана в подражание «Войне» – «Гавриилиада».

Обязательна ли в этом ямбе цезура на второй стопе?

У Парни имеется 8–9 отклонений от этого правила; Пушкин тоже не всегда, особенно в позднейших произведениях, соблюдал эту цезуру. В самом деле, характерно, что даже в своих строках:

Признаться вам: я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе,

– поэт во второй строке от цезуры уклонился.

Применяя цезуру, как правило, всегда, я разрешил себе в очень небольшом количестве строк отступление от нее, оговаривая, что мои бесцезурные строки не совпадают с бесцезурными строками оригинала.

Очень сложно обстоял для меня вопрос со словарем, которым я имею право пользоваться при переводе. Вопрос лексикона – вопрос кардинальный для переводчика. И снова я вынужден констатировать, что, не имея по этому поводу никаких изысканий, наши переводчики и тео-

⁶ Брюсов В. О переводе «Энеиды» русскими стихами // Вергилий. Энеида / Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева, редакция, вступит. ст. и комментарии Н. Ф. Дератани. – М.; Л.: «Академия», 1933. С. 40.

ретически, и практически обходят этот вопрос и переводят обычно неким бесстильным, вне-временным языком, который включает в себя все: от славянизмов до ультрасовременных слов, не предполагая, что нельзя одним и тем же лексиконом переводить Корнеля и Гюго, Грильпарцера и Гейне, как нельзя перевести словарем Верхарна на французский язык Ломоносова, но именно этим словарем надо пользоваться при переводе на французский язык Брюсова.

Парни по времени (при параллелизме поэтических резонансов развития поэтического языка двух стран) и по степени своего влияния ближе всего стоял к Батюшково-Пушкинской эпохе; поэтому я полагал, что при переводе «Войны богов» мне надлежит ограничить себя поэтическим словарем именно этих поэтов, и мне кажется, что мне удалось выдержать этот стилизационный принцип, не вводя читателя в заблуждение, что Парни будто бы писал тем языком, которым пишет современный мне французский поэт.

Применяя эту установку, я оставлял некоторые славянизмы, потому что мы их находим у Пушкина, да и потому что сам Парни часто пользуется древнефранцузскими выражениями и словами. Я позволял себе такие формы, как «яблок» и «облак» (наряду с «яблоко» и «облако»), потому что эти формы свойственны пушкинской, особенно батюшковской поэзии; эти формы сохранялись у нас даже в XX веке (например, у Брюсова: «Но над нами облак черный...») и только сейчас выпали из поэтического употребления.

Я допускал некоторое количество существительных на «ость», не в плане «бальмонтизмов», а в плане повторения пушкинского словаря, где мы видим «разнообразность» вместо «разнообразие» и «прилежность» вместо «прилежание». Однако, конечно, я не мог каждое слово проверять «по Пушкину» и во многом был вынужден полагаться на свой вкус и чувство-вание стиля эпохи.

Я допустил некоторые слова, кажущиеся более современные заимствованиями с французского, вроде «фривольный», памятуя пушкинское «как говорится машинально» и не забывая, что и Парни, наряду с архаизмами, пользовался неологизмами, особенно в плане образования существительных от глагольных форм; кстати, не под этим ли влиянием в пушкинскую эпоху был образован от глагола «приветить» ранее не существовавший «привет»? Или Языковым от «перепрыгнуть» знаменитый «могучий перепрыг»?

Мне могут поставить в вину слишком частое пользование глагольными рифмами, но если критики обратятся к оригиналу, то они увидят, что у Парни часто целые строфы построены только на глаголах. Мне казалось неправильным «гнушаться рифмой глагольной». Рифма того времени должна была быть шаблонной, «угадываемой»; требование отказа от глагольной рифмы, иронически констатированное Пушкиным в «Онегине», требование более изощренной рифмы – это требование более поздних лет, когда Парни уже успел истлеть в могиле, и подчиняться ему при переводе «Войны богов» мне казалось преждевременным, так же как было бы совершенно неуместным применять ассонансы.

Наряду с обильными глагольными рифмами Парни вообще небрежничает с рифмами и зачастую не соблюдает даже совпадения предыдущей согласной в мужской рифме, как например: *prevu – entendu; faut – mot; sieux – deux; chapeau – bravo*. Несколько таких вольностей допустил и я, оговариваясь, что количество моих «неполных» рифм раз в пятьдесят меньше, чем у Парни.

Итак, неполная, шаблонная, глагольная рифма в переводе «Войны богов» – это не неумение переводчика, а только соблюдение форм, свойственных автору оригинала.

В заключение должен сказать следующее.

Нельзя перевести поэму в несколько тысяч строк одинаково: есть места, удавшиеся больше, и есть места «недожатые», получившиеся слабее; работа перевода такой поэмы не кончается с переводом последней строки, даже с десятой отделкой ее, исправлять такую работу надо до самой смерти переводчика.

Поддерживая те принципы перевода, о которых я говорил выше, я не могу не присоединиться к мнению Вильдрака и Дюамеля, которые, написав исследование о принципах поэтической техники, закончили его меланхолически: «...но прежде всего необходимо быть поэтом».

Поэтому все мои принципиальные рассуждения о правилах перевода не имеют никакой цены, если в самой работе мне не удалось создать поэтического перевода поэмы Парни; но об этом судить может кто угодно, кроме самого переводчика.

Эротические стихи. <Poésies érotiques>

Из книги первой

Завтрашний день. Элеоноре. <Le lendemain. A éléonore>

Итак, Элеонора дорогая.
Теперь тебе чудесный грех знаком;
Желая, – ты дрожала пред грехом,
Дрожала, даже этот грех вкушая.
Скажи, что страшного нашла ты в нем?
Чуть-чуть смятенья, нежность, вспоминая
И изумленье перед новизной,
Печаль, и более всего – желанье, -
Вот все, что после чувствуешь душой.
Блестящие цвета и роз, и лилий
Уже смешались на твоих щеках,
Стыду дикарки место уступили
И нега, и застенчивость в глазах;
Они в очаровательных делах
Причиной и результатом были.
Твоя взволнованная грудь
Не робко хочет оттолкнуть
Ту мягкость ткани над собою,
Приглаженную матери рукою,
Что боле дерзко в свой черед,
Нескромная, порой ночью,
Рука любовника сомнет.
И сладкая мечтательность уж скоро
Заменит шалости собой.
А также ветренность, которой
Обескуражен милый твой.
Душа смягчается все боле.
Себя лениво погрузит
В переживание, где царит
Одна лишь сладость меланхолий!
Печальным предоставим цензорам
Считать виною непрощенной
От горестей единственный бальзам
И тот восторг, что бог, к нам благосклонный,
В зародыше всем даровал сердцам.
Не верь: их лживы уверенья
И ревность лицемерна всех;
В ней для природы оскорбленье:
Так сладок не бывает грех!

Скромность. <La discrétion>

Моя подруга, что всех в мире краше!

От шума и от дня бежим мы для забав.
Ночные тайны полдню не сказав.
От взоров мы чужих сокроем ласки наши!

Счастливую любовь всегда легко узнать!
И матери твоей меня пугает око.
Пред старым Аргусом нельзя мне не дрожать;
Возможно нрав его жестокий
Лишь только золотом пленять!

Ты не любовница, лишь день настанет ясный!
О, бойся покраснеть ты, встретившись со мной,
И от любви скрывай вздох самый легкий свой,
Прими небрежный вид; пусть голос твой прекрасный
Не смеет волновать ни сердца, ни ушей;
Смушенье, томность прочь гони ты из очей!

Увы! Раскаяться уж мне в совете нужно!
Во имя в нас любви, прелестница моя,
Не принимай ты вид чрезмерно равнодушный;
Сказавши «то – игра!», бояться буду я!

Извещение. <Billet>

Тотчас, лишь только ночь, слетая,
Жилища наши затемнит
И молот полночь простучит,
Печальной бронзою стена, -
Внемля Амура верный зов,
Спешат Желания спуститься
Толпою пред моей царицей,
И рой Страстей всегда готов
Ее забавить вереницей,
Быть с ней до утренних часов.
И коль Аврора позабудет
Открыть широко солнцу дверь
Свою румяную, – поверь,
Там страсть до вечера пробудет.

Страх. <La frayeur>

Ты помнишь ли, чудесная плутовка.
Ту ночь, когда счастливою уловкой
Обманут Аргус, стороживший дом.
К тебе в объятья я попал тайком.
От поцелуев защищала алый
Свой рот напрасно ты на этот раз,
И только к кражам приводил отказ.
Внезапный шум ты в страхе услышала,

Смогла далекий отсвет увидеть,
И позабыла ты про страсть в испуге.
Но изумление заставило опять
В моих руках сердечно трепетать.
Я хохотал над страхами подруги:
Я знал, что в это время стережет
Восторги наши бог любви Эрот.
Твой видя плач, он попросил Морфея,
И тот у Аргуса, врага услад,
Мгновенно притупил и слух, и взгляд,
Раскрыв крыло над матерью твоею.
Аврора утром раньше, чем бывало,
Течение наших прервала забав,
Амуров боязливых разогнав.
Им смехом ты невольным обещала
Свиданье новое под вечерок.
О, боги! Если бы я только мог
Владеть и днем, и полночью моею, -
То юный провозвестник дня позднее
Нам возвещал бы солнечный восход.
А солнце, в легком беге устремляясь
И обликом румяным улыбаясь.
На час, другой взошло б на небосвод!
Имели б времени Амуры боле,
И сумрак ночи длился дольше бы тогда,
Моих мгновений сладостная доля
Среди одних утех была б всегда.
И в сделке мудростью руководимый, -
Я четверть отдал бы моим друзьям,
Такую ж часть моим прекрасным снам,
А половину – отдал бы любимой!

Стихи, вырезанные на померанцевом дереве. <Vers gravés sur un oranger>

Ты, дерево, листвою зеленой
Восторги прятало любви!
Прими и вечно сохрани
Ты стих мой, нежностью рожденный;
И молви тем, кто свой ночлег
Найдет здесь и отдохновенье:
Коль можно умирать от неп
Я б умер под твоею тенью!

Да сохранит вас бог. <Dieu vous bénisse>

Нет, не Творца я разумею.
Твердя «да сохранит вас бог!».
Кто щедрою рукой своею

На радость мне все дать вам мог;
А также и не Гименя.
Кто, нас кропя водой своею,
Долг из восторга сделать мог:
Коль в браке и находят счастье,
То, верь, помимо божьей власти,
Про это и не ведал бог.
Нет, вижу молодого бога,
В Пафосе был бы он без вас;
Как, ветреник, хранит он нас,
Меня послушайте немного.
Желание, чей весел вид,
Высказывая нетерпенье,
В колодце младости кропит
Ему цветы для подношенья.
На щеки краску бог прольет,
Истомой взоры увлажняя,
И в души верных ниспадет
Так сладостно вода святая.
Ты, чья над нами власть царит,
Молитвы этому шли богу
И будь в уверенности строгой:
Тебя бог нежный охранит.

Опасное лекарство. <Le remède dangereux>

Ты, бывшая мне ученицей
И в музыке да и в любви.
В приют мой мирный приходи.
Чтоб выявить свой дар плениться!
Взгляни: я стал какой ценой
Слишком хорошим педагогом;
Я был бы здоровей во многом.
Не будь прилежен так с тобой;
Не так усерден; в песнопеньи
Так нежно бы не воспевал
И если бы не проявлял
В уроках слишком много рвения!
Приди, чтобы уменьшить зло,
Что ты жестоко причинила,
Восстанови погибель силы!
Ах, коль лобзание б могло
Вернуть здоровье мне и силы,
Храня влеченье первых лет,
Любовь, тебе б я дал обет, -
Здоровье вновь растратить с милой!

Завтра. <Demain>

Меня ты лаской забавляешь
И обещаешь каждый раз.
Но сладкий исполнений час
Ты непрестанно отдаляешь.
ДО ЗАВТРА! – мне твердит твой рот.
Меня съедает нетерпенье;
Бьет час, которого так ждет
Любовь, спешу к тебе и вот
ДО ЗАВТРА слышу каждый день я!

Благодари же небеса,
Что до сих пор тебе краса
Дана быть новой ежечасно;
Но крылья времени неясно
Твой облик тронут, проходя:
Не будешь ЗАВТРА столь прекрасной,
Не так настойчив буду я.

Призрак. <Le revenant>

Ушло здоровье; возвращенья.
Наверное, мне не сулит;
Природа шлет предупреждена
И мне, колеблясь, не велит
Уверовать в выздоровленье.
На действии втором прервав,
Свое окончу представленье.
К развязке я пришел стремглав.
Пал занавес, и я в забвеньи.

Не знаю, что творится там.
Коль можно в этот мир обратно
Прийти из ночи необъятной,
Вернусь, не сомневайтесь, к вам.
Но обликом не буду схож я
С тем безрассудным мертвецом,
Что, долго бормоча и с дрожью,
Являться с бледным рад лицом.
Я не надену погребенный
Убор, который страх внушит,
Усиливая мерзкий вид,
При похоронах обретенный.
Хочу понравиться я вам,
Хочу остаться невидимым,
Подобно сладостным ветрам,
Дыханьем буду я незримым,

И вздохи все я вам отдам.
Пускай под вздохами трепещут
В прическе перья, что торчат;
Пускай те вздохи наугад
Тончайший аромат расплещут
И коль цветов в своем стекле
Воспрянет вновь, любимый вами,
И коль в светильнике во мгле
Сильнее разгорится пламя;
И если бледный цвет ланит
Вдруг расцветет от новой краски,
И коль внезапно отлетит
От персей крепкая завязка,
И если станет мягче вдруг
У вас диван для вашей лени, -
Вы только улыбнитесь, друг,
Над нежностью моих служений!
Твой стан увидевши опять,
Моей рукою оживленный,
Я трогательно и влюбленно,
Печальный, буду бормотать,
Чтоб вы, поверивши, внимали
Той арфе под моим перстом,
Твердившей вам не раз о том,
Что чувства ей мои внушали.
Я к вашим самым сладким снам
Прибавлю сладость заблужденья;
Принявши облик сновиденья,
От сна вас пробужу я сам.
Нагая прелесть, вид отрадный
И совершенство линий там, -
Я вижу все: но – как досадно! -
Нельзя воскреснуть мертвецам.

Райские места. <Les paradis>

Поверьте: мир иной – нам незнаком, и там
Блуждает разум наш не мало;
И там бесплодно путешествовать, усталый
Я навсегда вернулся к вам!
Ах, заблуждаясь в крае басен,
Различным облик рая представлял,
И не был ни один прекрасен
И ум и душу мне не удовлетворял.
Сказал нам Пифагор: «Умрете,
Но с новым именем обратно вы придете;
И вами шар земной навеки населен!»
Утешить думал нас печальным заблуждением
Философ тот, что был когда-то вознесен;

Но выдумка ведет к тоскливым нас сомненьям:
Был прав он или лгал для нашей пользы он?

Да, лгал он, строя
Элизий, берег летеиских вод!
А почему в уют воспетый тот
Счастливую любовь мы не берем с собою?
И, неги страсти, там ты тоже не живешь?
Ах, можно уставать от тишины покоя,
Но быть любимым и любить – не устаешь!

Чтоб воинам доставить наслажденье,
Встарь Один, скандинавский бог,
Им войны, лавры и сраженья
Наобещать в загробной жизни мог.
Приучен с детства был к Беллонским я знаменам.
И храбрым честь мужам я воздаю.
Но думаю, что убивать в раю
Не надо никого нам!

Несчастный негр, что увезен купцом
Из Африки, пленен надеждою иною;
Мнит, рабство долгое перенося и злое,
Согбен под деспотическим ярмом:
Когда несчастье жизни смертью перервется,
Он в край отцов счастливый унесется
И скрасит пиршеством возврата час.
Живой и мертвый, я останусь возле вас.
Счастливый раб, когда умру, и то
Владыку я покинуть не желаю,
И не найти мне рая,
Где нас не будет, – ни за что!

Шотландец между туч для рая
Искал места с издревних пор,
По прихоти грозу иль штиль предпочитая,
И с праведниками искал он разговор.
Весь окруженный облаками,
Лазурною одеждою покрыт,
Приняв подчас веселый вид,
Под чистыми любил скользить он небесами.
То время сладкое прошло.
И сильфов увеличивать число.
Меж нами говоря, нет у меня влеченья.
И мне противно быть не более, чем тенью!
Как мало стоит тень! Нет, лучше естество!
И прав был Магомет, сказавший ясно,
Что с плотью входят в рай его!
Власть гурий – это так прекрасно!

Бессмертны там приманки нег;
Не знает старости там Геба; и Цитера,
Столь сладко чтимая всегда, сверх меры
Дарит избранникам восторги там навек!
Но хочется, чтоб там наставник был любимый,
Амур, ведь он один даст красоту отрад,
Амур, ведь он один даст радость для услад;
Для совершенства помещу помимо
И дружбу с тихой чистотою там,
И половину ей своей души отдам.
И мирные приюты эти
Прекраснейшим пусть станут уголком,
И этот рай любви найдем,
С Элеонорой, мы на этом свете!

Отрывок из Алкея, греческого поэта. <Fragment d'Alcée, poète greo>

Скажи мне, долг какой иль празднество посмело
От глаз моих укрыть тебя на восемь дней?
Что нужно всем богам от радости моей
И что есть общего меж нами и Кибелой?
Чьим правом из твоих я вырван милых рук?
Быть может, доброта небес вдруг захотела
Как фимиам избрать все худшие из мук!
Довольно нам твоих ошибок, дорогая.
Коль, два блуждающих среди густых лесов,
Мешаем голос мы с журчаньем ручейков
И шепчем без конца: «люблю я, обожаю», -
Так что плохого в той невинности забав?!
Коль взор подернется истомою твой нежной,
Когда лежишь со мной ты меж цветов и трав;
Коль ты меня всего бросаешь в жар мятежный,
Свой рот сверкающий к моим губам прижав;
Коль, умирая, мы от радостного счастья
Воскреснем, чтоб опять восторги пережить, -
Так что есть скверного в том чистом сладострастье?
Нет, голос наших чувств не может погубить;
И нет греха, что у природы мы под властью!
В изображениях – Юпитер, гордо злой
И вечно погружен в утехи и покой,
Делами нашими смущается немного!
На мир весь целиком взирают очи бога,
На слабых смертных он взор не направит свой!
У наслаждений есть всегда права гражданства!
Обязанность – любовь, а грех – непостоянство!
Пускай богатые лишь в мыслях хвастуны
Вторую жизнь себе привольно созидают;
Пусть будут взоры их удовлетворены

Безнравственностью; вздор нас этот забавляет!
О, бездна та без дна, куда нас смерть ведет,
Навеки сохранит все, что она берет.
Пока живем, – свой рай воздвигнем мы на свете;
Другой же – лишь мечта, что тронем создана.
Чтоб под хлыстом была законов их страна.
Обманутой толпы страшилища все эти:
Все урны и бичи, укусы змей и ад, -
Хоть мертвым в них нет зла, живых они страшат!

Цель учений. <Plan d'études>

Считаю план ваш лишним и неправым;
Избыток знания губит красоту.
Незнание милое терять нельзя вам.
И сохраняйте ту вы простоту
Что вновь влечет вас к детству и забавам.

В искусстве милом бог давал урок
Вам, передавши Терпсихоры чары;
Любовник нежный обучить вас смог
Напевам; и к тому ж в вас много дара.
Чтоб сладко слить со звонами гитары
Так чудно ваш звучащий голосок.

Предубеждений рабство вы забудьте
И мой вы исповедуйте закон.
Язычницей вы в ваши годы будьте.
Молясь тому, чье имя Купидон.
Пример терпимости – тот бог бесценный:
Он позволяет все, но не измены!

К чему учить, что надо позабыть!
Времен новейших страшным вы рассказом
Совсем не утруждайте слабый разум,
Вы у Овидия должны учить
Старинный ряд преданий баснословных,
Как и в пафосских хрониках любовных!
На карте той, где опытный гравер
Вместил земного шара очертанья.
Вы не ищите той реки названье.
Что видел в бегстве Оттоманский взор.
Но место изучи Идалиона
И грустный край, где жил Леандр, – познай,
И край, где жизнь окончила Дидона,
Долин Темпейских столь воспетый край!
И углубляйтесь вы в страну преданья,
Не забывая в прошлые года
Там бывших перемен. Очарованье

В тех именах любовникам всегда.

Вот род занятий милый и любезный,
Пусть заполняет он досугов час,
Предшествуя часам забав у вас.
Иные знания вам бесполезны.
Нас очаровывать у вас есть власть;
Вы все постигли, коль постигли страсть!

Желание одиночества. <Projet de solitude>

От этих грустных мест бежим, о, друг прелестный.
Надеясь, тратим здесь мы половину дней.
Здесь страх докучливый – помеха для страстей.
Отсель недалеко есть остров неизвестный;
Нет хода кораблям и рифы там отвесны.
Извечный веет там и свежий ветерок,
Природа щедрая, свободно обновляясь,
Дарами красит тот вселенной уголок;
По яркой зелени течет там, извиваясь,
В морскую глубь стремясь, серебряный поток.
Там возвращены рукой безмерно благосклонной
Сладчайший аромат струящий ананас
И апельсин густой, от тяжести согбенный
И фруктов, и цветов в один и тот же час.
Что надо нам еще? Тот островок покоя
Назначен любящим природою самою.
И океан вокруг, и дважды в день сомкнет
Вокруг убежища он свой круговорот.
Вот там не страшен мне отец непримиримый,
И на свободе там ты можешь быть любимой
Того, кто сердце все тебе дал, награждать.
О, там вы можете, дни мирные поэта,
Как кольца радости, одно в другое вдеты,
Немного славы мне и много счастья дать.
Приди же! Ночь темна! Нет облаков над нами!
Расстанемся, навек прощаясь с берегами,
Где только ты одна могла держать меня.
Венеры вижу свет над горизонтом я.
В пути неведомом Венера правит нами.
Эол на помощь нам все ветры созовет.
И станет дуть Зефир не слишком над волнами.
До пристани Любовь влюбленных доведет.

Из книги второй

Охлаждение. <Le refroidissement>

Блаженных прошлых дней теперь уж нет, увы.
Когда моя любовь благоговейно, нежно
Умела сердце вам затронуть неизбежно,
Мы были счастливы, меня любили вы;
Твердил, что вас люблю, и был любим я вами,
Мои желания я вашим подчинял, -
Таков был жребий мой; я свой восторг смирял,
Я был любим, чего ж мне требовать мольбами?
Но изменилось все; коль прихожу я к вам,
Вам нечего сказать и грустно вы молчите;
Когда же к вашим вновь я падаю ногам,
Меня усмешкою своей вы охладите
И пламя гнева я в глазах читаю сам.
А были дни, – но вы, быть может, их забыли,
Я негу томную видал в зрачках очей
И нежности огонь, что чувства породили,
Переживающий минуты страсти всей.
Все изменилось, все, кроме души моей!

К ночи <A la nuit>

О, ночь! Несчастный, призываю
Смирительницу всех скорбей!
На крыльях принеси, слетая,
Забвение измен людей.
Дай грусти одинокой скрыться;
Пока своей рукою сон
Мне не смежит мои ресницы,
Не дай, чтоб был я пробужден.
Когда ж заря неторопливо
Придет открыть дверь утра вновь,
Ты оставайся молчалива
И усыпи мою любовь!

Возврат. <La rechute>

Итак, расстался я с цепями.
Вас обнимаю, друга, вновь!
Красавиц так тяжка любовь,
Красавицы ничто пред вами!
Играл мной ветреный их нрав,
Краснел я пред своей любовью,
Обрел я снова хладнокровье,

Теперь опять счастливым став!
Мне дай иные песнопенья,
Румяный винограда бог!
Лишь в них отрада без смешенья!
Они живут во всякий срок!
В них утешенье и отмщенье
За дев, что ты утратить мог!
Что, бедный, я сказал?! Как трудно и жестоко
Веселие хранить, коль вся душа в скорбях!
Нет смеха на устах, коль слезы на глазах.
Ненужный нектар прочь мы отшвырнем далеко!
О, дружба нежная! Восторг небесный! Мне
Тебя не хватит, нет, коль так душа смятенна;
И с криками страстей, что воют в глубине,
Слить зря пытаешься ты голос свой священный.
Вздыхаешь ты о зле, его не отвратив,
Ты помощь подаешь уже после паденья,
Ты рану бередишь, ее не излечив,
Прочь, мне не предлагай ты мудро утешенья!
Мне о действительном позволь не размышлять,
Лишь в царство выдумок свой разум углубляя.
Согнувшись от цепей, свободу воспевать.
Тень преходящую в восторге поражая.
И дай о счастья шептать.
Слезу печали проливая.

Они придут, смиренья дни,
Дни пробуждения, когда затеплит пламя
Рассудок строгий мой меж страшными ночами
И с глаз прогонит он мечтания любви.
Так время, легкими крылами
Играя, унесет все навыки сердец
И заблуждениям положит всем конец.
Мои друзья! Тогда, разбив оковы,
От долгих мук освобожденный, снова
Вам изменивший, к вам вернуться буду рад.
И, слабость вашему доверив испытанью,
Быть может, с нежностью я буду в состояньи
Ревнивый отвратить возврат.
Вы на зарю моих всех наслаждений
Направите мой взор, увлажненный слезой,
Заставите вздохнуть, краснеть ошибки той,
Но, даже покраснев, питать к ней сожаленье.

Элегия <Élégie>

Да, не жалею я, что пламя дней
Моих горит тусклее неизбежно.
Предмет жестокой страсти самой нежной.

Уйдешь ты скоро из души моей!
Лишь радость мне в надежде той унылой
Стараться тщетно удержать себя.
Пойду, куда сурово прогнан я,
Я осужден на смерть моею милой!
Для смертных всех открыт вход в тот приют,
Там от цепей несчастных избавленье,
Там вековечным люди сном заснут,
И там конец любви и отвращенью.
О, дружба чувств! Не надо, не вздыхай!
И, повесть, не храни моих мучений!
Лишь в памяти порой возобновляй
Меня, что предан на земле забвенью.
Быть может, вздох раздастся также твой
И на могилу устремишь ты взоры
Свои, жестокая Элеонора, -
Ты первая, кого любил душой.
То будут запоздавшие рыдания,
Слеза твой взор наполнит до краев.
Тебя я знаю: пусть твой нрав суров, -
В моей любви тебе – очарованье.
Когда же смерть, склонясь к моей мольбе,
Моих мгновений нити перережет,
Когда могила грустная в себе
Упрячет мой огонь и скорбный скрежет.
Друзья – кого я здесь оставлю, вы
Найдете ту, жестокою чрезмерно,
Скажите ей: его уж нет. Увы -
О если б плач о ней неимоверный
Вернул я! Нет, о бог любви, я дам
Прощенье ей! Прибавьте к этим дням
Те счастья дни, что отняты неверной.

Досада. <Dépit>

Навек постыл
Будь, образ милой.
Что изменила.
Кого любил!
Мы прятать станем
Слезу очей;
Подобно ей.
И мы обманем!
Прекрасный вид.
В расцвете силы
Сердечку милой
Так сильно льстит.
Пуста несметно.
Ты безответна

К моим мольбам.
К обману падка.
Быть хочешь сладкой
Другим очам.
Ей огорчений
Не жаль моих;
От чар своих
Ты в упоеньи.
Года пройдут
И дар нездешний
С собой возьмут.
Любовь поспешно
Прочь унесут.
Уход тревожный!
Надежду гнать!
Ах, изменять
Уж невозможно!
Тогда при всех.
Роняя смех
И рад ужасно.
Мимо идя.
Промолвлю я:
«Она была прекрасна!»

Другу, обманутому любимой. <A un ami trahi par sa maîtresse>

Как? Шлешь непостоянству ропот?
Ты плачешь, новый Селадон?
Ужель твой разум так смущен.
Что был пристыжен им твой опыт?
Иль приковать ты возмечтал
Навеки деву без стеснения?
Ты слишком легковверен стал.
И дух ослеп твой в заблужденьи!

Нет! Легче усмирить порыв
Валов, что вздыблены грозою,
Дубы с дрожащею листвою
И под неверным ветром нив
Покачиванье золотое.

Ах, искренне тебя любя,
Могла ль она любить навеки?
И стал ей мил соперник некий,
Другой – любим был до тебя.
И третий сумасшедший, – спору, -
В ее безумстве станет мил.
И будет заменен им вскоре
Бесстыдный, кто тебя сменил.

Сколько ни плутуй, – все это мало;
Ждет большего Цитеры край.
Ты сам любимой изменяй.
Чтоб милая не изменяла.
Там, где тоска берет начало.
Свою ты нежность прерывай.
Что говорю я? Или нужно
Той слабости мне помогать?
О, бойся, друг, здоровым стать!
Ошибка с молодостью дружны!
В немилостях любви простой
Есть способ утешать мгновенно;
Любовь была детей игрой,
Но верь мне, что в забаве той
И кто обмануты, – блаженны!

Моим друзьям <A mes amis>

Друзья мои! За песнь! За смех!
Мы жизнь безделия восславим.
И черни ропот мы оставим!
Дано так много нам утех!

Мы будем в сонме наслаждений
Жизнь легкую свою топить.
И в счастье для себя лишь жить.
Нам нет ни в чем ограничений!

Под тяжкими руками дней
Мы, стан согнувши, одряхлеем;
Так в играх молодость развеем;
У старости ж украсть сумеем,
Что можно лишь украсть у ней.

Неверным <Aux infidelles>

Красавицы! Вампоздравленья!
Любимицы богов, страстей.
Подруги, склонные к измене,
Кого, ища, бегут скорей, -
Желаю вам счастливых дней
И больше новых наслаждений!
Внимайте! Каждый рад из нас
Вас чтить, любить, бранить вас злобно;
Благодарю я очень вас.
Одни вы оживить способны
Наш грустный и тоскливый час.
Сужденья наши и ошибки

Меняете вы с давних пор:
Осмеян вами лишь актер,
К вам зрителей влечется взор,
Рождая новизной улыбки.
Вам сладостное обаянье
Вихрь, что влечет вас, придает;
С трудом любовник узнает
На завтра вас после свиданья.
В вас лишь хорошее всегда
Находит взор, к вам обращенный;
Близ вас порой рождаются стоны,
Слеза, но скука – никогда!
Катон хвалу вам воскуряет;
Всех тешит даже строгий взгляд,
Всяк ветреницу призывает;
И тот, кто не достиг наград.
Надежду все же сохраняет.

Отречение. <Palinodie>

Подругу уличив в измене.
Я всю любовь чернить был рад;
Твердил я, что за днем услад
Идет столетье огорчений.
Непостоянство возносил.
Досадою обуреваем;
Я сердцем опровергнут был.
Умом к обиде подстрекаем.

Покинут милой лишь одной.
Всем милым в грусти слал проклятья!
И, теща дух тщеславный свой.
Всех стал неверными считать я!
С досады я с ума сошел.
Тягчайшим было меж грехами -
Моими очернить стихами
Всегда любимый нами пол.

Наставник наш в делах Венеры.
Мы счастье видим в нем одном;
И, коль не наши бы примеры.
Обман ему был незнаком.
Проклятье шлю я бедной лире.
Которой я все песни пел.
Коль я стихом обидеть смел
Хотя б одну красотку в мире!

Прекрасный пол, манящий нас!
Ошибки ваши – украшенья!

Благодарите провиденье.
Что только украшает вас!
Больше даря рукою странной
Чем все старанья ваши, вам;
Вы меньше нравились бы нам,
Коль были б вечно постоянны!

Из книги третьей

Сон. <Le songe. A m. De f...>

Решился сделаться мудрей
От твоего я рассужденья
И вот в припадке дерзновенья
Любовь прогнал и вместе с ней
Все молодые заблужденья!
Настала ночь. Глубокий сон
Смежит мои спокойно вежды.
И чистый сон давал надежды.
Что мудрым буду пробужден!
Когда заря пришла, смягчая
Нетерпеливо ночи тень
И всей природе возвещая.
Что наступает новый день, -
Любовь пришла открыть мне взгляды,
И на устах ее играл
Смех простодушья и отрады,
И я любовь легко узнал.
Любовь склонясь мне шепчет в уши.
«Ты спишь, – она мне говорит, -
И в сне своем покоишь душу,
А время дальше все спешит.
Все обновляется беспечно,
И лишь стареет человек,
Лишь день один – его весь век.
Сопровожденный ночью вечной.
День слишком длительный без нег».
При тех словах – глаза открыты.
Прощай, план мудрости моей!
Цитеры дочь, ко мне приди ты, -
Я чем всегда – теперь слабей.

Неудавшийся вояж. <Le voyage manqué. A m. De f...>

Отбросив лени постоянство.
Хотел я странствовать с тобой.
Прощай! И без меня ты странствуй!
Лень торжествует над душой.
Разрушили молодые ласки
Любви намеренье мое.
Как трогательна грусть ее!
Как никогда прекрасны глазки!
Руками охватив меня.
Богов всесильных умоляет

И, сетуя, мне не внимает.
Непостоянного клян्या.
Упреки и очарованье
Не победит душа моя.
Ее бы мог покинуть я.
Но, милой видевши рыданья,
Не мог не осушить я век.
Край дальний, пропади навек
Для милой страх в твоём названьи!
А ты, не ведавший укор
Любовниц и их опьянения,
А ты, не знавший подчиненья
Слезам любимой до сих пор,
Ступай! Я вслед пошлю моления!
Будь мудрым ты, храня себя,
Объездив дальние просторы,
От слабости той, от которой
Лечиться не желаю я!

Моя смерть. <Ma mort>

Моя наперсница святая мысли хмурой.
Кто песней легкою и сладкою такой
Способна разогнать недуг печали мой
Которым жизнь мою усыпали Амуры.
О лира верная! – ленивою рукой
Могу сладчайший звук я извлекать порой.
Ты трогательнее звучи сегодня в гимне
И о любовнице, что нет здесь, говори мне.
Когда, любимая, в объятиях твоих
Аккордом сладостным я слух твой забавляю
И в час, когда, вином одушевлен, ласкаю
Я прелести твои и воспеваю их,
Коль в сладостном бреду свой взор разгоряченный
На друга милого уронишь нежно там,
Коль удостоишь ты мои улыбкой стоны
И более того, – коль лира упоенно
И так беспомощно падет к твоим ногам, -
Что мне тогда до всей оставшейся вселенной,
Что мне тогда умов взыскательных совет
И мнение публики, что строго непременно,
Тогда любовник я, и вовсе не поэт.
И снова тяжкая тогда мне лишь обуза,
И слишком яркий свет – страшит отраду нег
Пусть я – ничто, смеясь благословляет муза
И все грядущее, и настоящий век.
О нет – всю жизнь свою не думаю упиться
Надеждой глупою я после смерти жить,
Настанет день, и рок приказ отдаст закрыть.

Любезная, – мои ослабшие ресницы.
Обнявши милого, поддержишь в этот час
Его бессильную ты голову руками,
И мой тогда едва полуоткрытый глаз
Наполнит до краев угаснувшее пламя.
Когда освободить от слез мои персты
Попробует твой взор, на тихий труп глядящий,
Когда моей душе, чрез губы исходящей,
Последний подарить из поцелуев ты, -
Прошу, о, пусть тогда кругом не нарушают
Мой сладостный покой нескромным торжеством,
Пусть никакая медь в звучании большом
Кортеж, что движется, всем людям не вещает.
Безвестен и счастлив в убежище могил
И безразличие храня ко всей вселенной,
Я сберегу от всех восторг мой сокровенный;
Так умереть хочу, как жизнь свою я жил.

Нетерпение. <L'impatience>

Семь дней я побыл в отдаленьи.
То для желанья – семь веков.
Я здесь, но холод рассужденья
Миг неги отдалить готов.
Обещанный для нетерпенья!
«Я матери боюсь очей!
И мрак ночной еще не прочный!
Жду срока, чтобы в мрак полночный
Феб не бросал своих лучей.
Застать нас могут при свиданьи!
Ах, отложи блаженства срок!
Верь в нежность милой и в сверканье
Ее очей, в румянец щек!
Потери нету в ожиданьи».
Напрасный довод твой жесток,
Лишь им за нежность ты платила
И преднамеренно забыла,
Что у любовников есть бог.
Пусть этот бог, что к нам взывает,
Пошлет завистникам покой,
Пусть к встрече он ведет ночной
Меня, что счастливым бывает
Лишь на коленях пред тобой.
Ты не противоречь призваньям
Амура тщетным страхом впредь.
Когда нас жжет огонь желанья,
В один день можно постареть!

Любовное размышление. <Réflexion amoureuse>

Хочу, ее узрев, в объятья пасть.
В груди трепещет сердце все сильнее;
И от желаний я уже пьянею,
И пылко шаг мой ускоряет страсть.
Но подле той, кого мы обожаем,
Должны мы обуздать страстей порыв:
Любви чрезмерной страстью повредив,
Мы только срок восторгов сокращаем.

Букет любви. <Le bouquet de l'amour>

Сейчас все эти пожеланья
И поздравленья двадцать раз
И нежности надоеданья
Обильно сыпятся на вас.
Вслед за приветствиями ясно.
Когда заменит мрак ночной
Тот полдень светлый и прекрасный.
Любовь, черед наступит твой.
Она придет лишь с наслажденьем.
В ком нежность и кому запрет.
Чтоб в дверь стучаться с нетерпеньем.
Неся мольбы и свой букет.
Когда ж меня собирать остатки
Приучит седина годов.
К тебе явлюсь на праздник сладкий.
Но уж без праздничных даров.

Из книги четвертой

Элегия VIII. <Élégie VIII>

Прекрасная судьба – любить!
Нас опьяняет та отрада.
То счастье может восхитить.
Коль разлюбили – жить не надо!
Увы! Не мало надо дать.
Чтоб тягость истины узнать.
Что все обманны уверенья.
Что все равно любовь схитрит.
Притворство – весь невинный вид.
А счастье – только сновиденье.

Война богов. La guerre des dieux

Поэма в десяти песнях Эвариста Парни
Poème en dix chants par évariste parny

Песнь первая

Автор этой поэмы – Святой Дух. Прибытие на небо христианских богов. Гнев языческих богов, успокоенных Юпитером. Языческие боги дают обед в честь своих новых собратьев. Безрассудство Девы Марии. Наглость Аполлона.

О, братья! Я когда-то, встарь, достойно
В значенье слов евангеля вникал;
Стояла ночь; и маки сон спокойный
Вокруг меня в щедротах расточал.
И вдруг глаза внезапное сверканье
Увидели; и в воздухе кругом
Пал аромат, что был мне незнаком.
Я голоса чужого ждал вещанье,
И сладостный ко мне он долетел.
Оборотясь, на столике порханье
Прекрасного я голубя узрел.
Пред голосом я Господа склонился,
Пред блеском на колена опустил,
«Что нужно вам, о, Господи?» спросив.
«Пусть набожный твой стих воздаст мне славу,
Воспев былой наш подвиг величавый,
Религию французов укрепив!»
«Чтоб труд создать высокий этот, право,
Есть у других гораздо больше права.
Хоть набожен, но о боях богов,
О подвигах, – я знаю очень мало!
Бег времени был исказить готов.
Отрекся я от прозы, от стихов».
«Я знаю всё! Коль силы не достало.
Я помогу; с прилежностью души.
Ум напряги; диктую я, – пиши!»
Без опыта, пишу по принуждению;
И коль в стихах моих мелькнет порой
Им чуждая греховность выраженья.
Нелепо вам пенять на выбор мой:
Вини того, кто диктовал творенье.
Воистину, скажу я, братья, вам:
День именин Юпитера был оный,
И всем большим и маленьким богам
Пришлось склонить свою главу у трона.
На небе был обед; и боги тут
С Юпитером делили яства блюд.
Была еда их вкусной, нетяжелой;
И Эвров рой, что был ниспослан долу,
Им запахи несет из алтарей;
На золоте амброзию вкушают
И нектаром сладчайшим запивают,

И он несет богам бессмертье дней.
Является богам в момент разгульный
Орел, и он Юпитеру твердит:
«На небесах, где власть твоя стоит,
Где я парил, как будто караульный,
Мой зоркий глаз увидел в облаках:
Невзрачная на вид толпа чужая,
Смиренная, при длинных волосах,
Идет, свой лоб желтеющий склоняя.
Лежат крестом на высохшей груди
Их руки; рать желает непременно
Ватагою через святые стены.
Что край хранят, украдкой перейти».
Юпитер рек: «Меркурий пусть поможет
Точней узнать про замыслы чужих».
Минервы речь: «Но станет нам, быть может,
Соседями отряд богов младых!»
«Так думаешь ты, дочь?» – «Страшусь я их!
Смеются зло над нами люди мира,
И наш порок – им тема для сатиры.
Стареем мы, скажу я напрямиком,
И наш кредит – всё ниже с каждым днем!
Исуса я боюсь!» – «Он бог? Чертенок,
Сын голубя, он в хлеве был с пеленок
И на кресте погиб! Он – бог?» – «Как знать!»
«Забавный бог». – «И он смешон безмерно;
Он ближе к той породе легковерной,
Где он сумел всё, но не разум, взять!
Да, бог такой полезен для тирана,
Клепает цепь он у рабов всегда,
Он – Константина выученик рьяный
В политике. И миру с ним – беда!»
На четырех крылах летят проворно.
Меркурий вспять вернулся; самый вид
Богам твердит о новости позорной.
«То – боги!» – «Как? Не может быть! О стыд!»
«Они в чести, так утверждать я буду
Побольше нас давно у римлян всех.
Разительный, внезапный их успех
В кругу людей считаю я за чудо.
Я прочитал патент их не один:
По форме все, и подпись – Константин.
Оказывать ты должен уваженье
Теперь Христу со свитою его;
Бездельнику полцарства своего
Ты передать обязан во владенье!»
При тех словах вестей – со всех сторон
Крик бешеный раздался озлобленья:
«Падем на них!» – «На бой!» – «Идем в сраженье!»

«Они бегут». Но, тих и раздражен,
Покинув трон, властитель их серьезный
Два раза бровь свою насупил грозно,
И вмиг Олимп обширный тихим стал.
И болтуны бледнели без движений,
Потупив взор, храбрец затрепетал,
У всех дрожат, само собой, колени;
Довольный царь богов сказал: «Клянусь,
Что ничего не отобрал Иус!
Как встарь, моя крепка и ныне сила
И царствую назло я воле злой,
И бровь моя всю силу сохранила.
Умерьте гнев вы неразумный свой!
Минерва! Ты, кто остальных умнее,
Речь начинай бесстрашной и прямее!»
«Себе божков фальшивых создает
Народ людской, по прихоти, в мгновенье,
Свергая их. И здесь, где неба свод,
Пускай Христа наступит воцаренье!
Не надо битв! Усилье наше зря
Трон укрепит у нового царя.
Нет! Правильней – выказывать презренье!»
Юпитером совет был подтвержден.
Он приказал, чтоб не мешали ныне
Располагать Христу его святыни
И чтоб в раю располагался он.
«Пришельцев нам узнать бы надо ближе, -
Им Феб сказал. – Коль верно понял я,
Соперники сегодня нам – семья
Счастливая, и только нам – ровня,
Но завтра в них – преемников увижу!
Изучим мы характер, навык, блажь
И слабость их! У нас здесь стол накрытый;
Через посла, Юпитер, предложи ты
Отведать им обед, вино из чаш.
Смеетесь вы, но смех прекрасен ваш!
О, выскочки так падки к приглашеньям;
И если к нам, увы, им доступ есть,
К нам, кто считал Олимп своим владеньем,
Они придут, чтоб оказать нам честь!»
Его словам, без ненависти жгучей,
Стал хлопать весь кипевший злобой зал,
Юпитер сам суровый хохотал,
Хоть проклинал Христа и этот случай.
Как прочие, был любопытен он.
Меркурием приказ в глазах прочтен;
Летит стрелой; все «браво» разразились,
А через час и гости заявились.
Их было три, иль трое их в одном?

Понятен вам вопрос мой несомненно!
Представьте же: отец достопочтенный,
Со всеми схож, и с ясным он челом.
Ни то, ни се; по возрасту – не зрел он
И на спине у облачка сидел он.
Он с бородой седой. У головы
Склоненной – круг, ее каймя, сияет;
Тафта, что в цвет небесной синевы, -
Его наряд. Она от плеч спадает,
Образовав немало складок в ряд
И падая, трепещет вплоть до пят.
И на плечо с плеча, по божьей воле,
Летит знакомый голубь в ореоле.
Он, чье перо белеет и блестит,
Оратора имеет чванный вид.
А у колен сидит ягненок, бляя;
Он вымыт, свеж, приятен он на вид
И розовый имеет бант на шее;
Сиянья луч ягненка золотит.
Вот таково трехликое явленье;
Мария вслед, вся покраснев, плелась
И на богов, следивших приближенье,
Не подняла своих смущенных глаз;
Толпа святых и ангелов немало
Шли позади и встали у портала.
Короткою любезностью речей
Юпитер сам приветствовал гостей,
Но холодно. Ответствовать готовый
Ему, Господь найти не может слова,
Мешается, садится у стола.
Ягненок проблеял златокудрий,
А голубок, в семействе самый мудрый,
Открыл свой клюв; и спела фистула
Языческим богам псалом библейский.
Что полон тайн и смысла, – по-еврейски.
Пока он пел, смотрели все кругом,
Изумлены, сопровождая пенью
Двусмысленным намеком озлобленья,
И ропотом, и явственным смешком.
Но Дух Святой не глуп был и в смущеньи
Он побледнел и прерывает пенью.
И затряслись, как только он затих,
От хлопанья и от «ура» хоромы.
Подумал Дух: «Восточные приемы!»⁷
О, что за вкус! Божественен мой стих!»
И голубок, насмешку понимая

⁷ Нужно отметить, что Пушкин, заимствовавший из «Войны» для «Гавриилиады» много эпитетов, употребляет «восточный», относя его не к язычникам, а к христианам: «Творец любил восточный пестрый слог» (примеч. В. Шершеневича).

И ненависть в досаду превращая,
Свой лютый гнев глубоко затаил,
И автора он самолюбье скрыл.
Внесли еду. И вкус ее достоин,
И аппетит был у гостей удвоен
Воздержанной привычкой христиан.
Один жрал всё. И, виночерпий милый,
О, Геба, ты сок нектара в стакан
Со злобною усмешкой нацедила.
Пытались зря Христу еду поднести.
Смущен, стыдясь, не поднимая взгляда,
Он полагал: для тона – есть не надо, -
И отвечал: «Нет! Не хочу я есть!»
И царь богов был вынужден из мщенья
Презренье к тем, кто много ел, явить
И принял вид притворный пресыщенья,
Как бы сказав: «Обед мог лучше быть!»
Богини же бессмертною толпою,
Хоть быть велел надменными их сан,
Презрительно, взор на богов-мещан
Не бросивши, шептались меж собою.
Невежливо и, севши к ней спиной,
Хихикали насчет Марии темной;
Смущение ее и облик скромный
Им темой был для их беседы злой.
Мол, родилась девица в сельской неге,
Потом в Париж явилась на телеге
И в Тиволи, чтоб свежей красотой
Блеснуть, пришло, мол, юное созданье,
Румянец, мол, – след прелюбодеянья,
И прелести, и тон манер дурной, -
Как знатоки, султанши обсуждали,
И страшный крик был поднят ими в зале.
И, устремив презрительный свой взгляд,
Чтоб подавить досаду, говорят:
«Фи! У нее ни блеска, ни фигуры!
И вид простой! Прическа, как у дуры!»
Пусть в Тиволи небес так говорит
Из зависти соперница, Мария!⁸
Да не смутят суждения такие
Суровостью; твой взор, где страсть горит.
Пусть прячется в ресницы он густые!
Твой черный взор имеет чудный вид!
В молчании уста красноречивы;
Найти б ума немало в них могли вы;

⁸ Отклик этого лирического отступления, обращения к взору Марии, можно найти в «Гавриилиаде» в строках: «Они должны, красавицы другие, / Завидовать огню твоих очей, / Ты рождена, о скромная Мария...» и т. д. (примеч. В. Шершеневича).

А девственность прелестная грудей.
Что спрятаны, округлостью своей
Деленные, и, ягодкой краснея,
Всех покорят, крещенных и еврея,
Кто сможет грудь поцеловать сильней!
И сонм богов мечтал: «О, да! Девушка
Весьма мила! Нельзя не признавать!
От старика нельзя ли поживиться
И прелести послушницы отнять?!
Пусть Аполлон скорей начнет забавы!
Ах, стоит свеч игра такая, право!»
Но гимн, небес достойный, Аполлон
Пел в этот миг, и чист был песен звон.
Им вторили в сто инструментов хоры.
И срок настал для танцев Терпсихоры;
И Грации, и Геба, и Эрот
Плясали все, подряд и в свой черед.
От зрелища Мария в восхищенье;
Следя за всем, внимательно потом
Похлопала, два слова одобренья
Произнесла своим наивным ртом.
И скромница заметила стыдливо.
Что все кругом нашли ее красивой
И собрались вблизи нее кружком;
И, гордая оценкой справедливой.
Язычникам ответ дала с умом.
Но за нуждой, понятно, за какою, -
Она пошла. В Венерины покои,
Сообразив, что нужно ей теперь,
Прислужница богов открыла дверь;
Нечаянно иль что-то замышляя,
Дверь заперла, Марию оставляя.
От красоты великолепных зал,
Поражена неожиданностью мгновенья,
Ты замерла, Мария, без движенья.
Как не понять?! Девушка взор видал
Лишь нищету супружеского дома,
И город свой, и в хлеве пук соломы,
Где бог во тьме рожден был ею в ночь.
Но вот она восторг свой гонит прочь;
Сперва она приблизилась к уборной;
Открылась дверь сама, и виден тут
Агатый и дорогой сосуд;
Овален он и с ручкою узорной.
«Боюсь разбить!», – промолвила, назад
Кладя сосуд, что лишь на миг был взят.
И далее Марии шаг стремится
Через комнаты, которых – вереницы.
Богатый зал, – украшен пышно он;

Вот будуар, что негам посвящен;
Повсюду вкус, но нет нигде порядка.
Корзины роз, горшки везде стоят,
Амбросия и нард и амбра сладко
По воздуху струят свой аромат.
Все осмотрев, Мария увидела
Ряд туфелек, Киприды покрывало,
Прелестную тунику, всю из роз,
И обручи золотые для волос;
И поясок богатый замечает,
Подумавши: «Наверно, украшает
Такой наряд! К лицу мне будет он!
Попробуем! Все дело – на мгновение;
Я здесь одна, и в этом помещенье
Не будет мой покой никем смущен!»
Не легкое для Девы дело это:
Нет опыта у ней для туалета!
А срок летит, и Дева наугад
Накинула с неловкостью наряд.
Но зеркало, допрошенное ею,
Отвечило: «Венера – не милее!»
Взор устремив, восхищена собой
Промолвила она: «Амуров рой,
Не правда ль, быть вам матерью могла я?!»
И вдруг пред ней Амуров легких стая
Является и, окружив, твердит:
«О, юная мамаша! Для чего вы
Свою красу удваивать готовы?!»
В ответ она, в смущении, молчит;
Оправившись, свой нежный смех дарит
Встревожившим ее на миг ребятам.
Амуры льют ей воду с ароматом
И, под ноги ей дружно набросав
Ясмина цвет, а также розы красной
И за руки друг друга сладко взяв.
Скрываются шепча: «Она прекрасна!»
Известно всем, что яд похвал силен!
Нежданностью случайного явления
Рассудок был Марии опьянен.
Она глядит на то изображение,
Где с нежною Кипридой Адонис,
Творя детей, за дело принялись.
Опасная картина возбуждает
Марии дух, и краскою тогда
Особенной, не краскою стыда,
Желание ей щеки заливают.
Она вошла в последний самый зал,
А там кровать подушек пурпур чудный
Образовал и лишь присесть он звал,

Она ж в постель ложится безрассудно.
В рассеяньи, подняв взор томный свой,
Поражена она своей красой
И прелестью недавно обретенной
И верностью зеркал отображенной.
С улыбкою, и руки разметав,
Ты замерла тихонько, прошептав:
«О, мой Панфер, – кого я так любила!
О, будь ты здесь, своей счастливой милой,
Одетой так, мог взор бы усладить,
И нам была б с тобой сладка кровать!»
И – ах! Вошли. То юный бог Парнаса.
Она с трудом приподнялась едва;
К рукам припав, усевшись на атласы.
Ей шепчет Феб восторженно слова:
«О, не беги, царица Идалии!
Прекрасна ты! Есть право у меня!»
«О, сударь мой! Но я зовусь – Мария,
Венерами зовутся здесь другие.
Пойдите прочь!» – «О, буду скромн я!
Красавицей нельзя быть безнаказно!
Венера вы. Она – не так прекрасна!»
«Начну кричать!» – «Пожалуйста! Хоть год!
И коль на крик хоть кто-нибудь войдет, –
Языческий наряд ваш осмеет,
А кое-кто и в бешенство придет!
Посетовать чуть-чуть, но без досады,
И покраснев, пообещать отрады, –
Ну, вот и все, что сделать здесь вам надо!»
И, промолчав в ответ на речь, она,
Взор опустив, слабела и дрожала,
Противилась, уже побеждена;
А в этот миг, внезапно, рот нахала,
Раздвинув губ алеющий коралл,
Эмаль ее зубов поцеловал.
Отвергнув стон напрасного моленья,
Свой нежный труд на ложе начал бог,
И вырвался из сердца девы вздох,
Как бы шепча: «Какое приключенье!»
Труды богов прекрасны и быстры.
Но разум Феб хранил среди игры,
Чтоб у Святой не вышло бы скандала;
Истративши весь свой остаток сил.
Феб с ложа встал, прическу подновил
И, вид приняв спокойный, вышел в залы.
Там в этот миг балет богинь привлек
Глаза гостей. Мария, боязлива,
Румяная, как никогда, красива,
Выходит в зал, когда уж смолк смычок.

И голубок, раздут от подозренья,
Приподнялся и так Отцу сказал
(Отец на пир невесело взирал):
«Чего нам ждять? Конец ведь представленья!
Пора идти! Молитвы час настал!
Мы прочь пойдем и не вернемся в зал!»
«Пора идти!» – папаша повторяет.
«Пора идти!» – вослед Иус сказал,
И мать идти он знаком убеждает.
Уходит прочь без радости она.
Ах, пиршества, Олимпа новизна,
Песнь с танцами, и комплимент радушии,
Таинственно ей щекотавший уши, -
Понравились нежданностью своей.
И, смелостью столь необычной бога
Прельщенная, сердилась, но немного;
Язычество пришлось по вкусу ей!
О нем она в пути назад твердила,
И ей Отец ответил просто, мило:
«Дитя! Готов признаться я в вине:
Но Феб поет – и спать охота мне!
Мелодий я не слышу в этом пеньи.
Нет! Лучше бы духовный нам хорал
Был ими спет. А их стихотворенья
Наш Дух Святой не слишком одобрял!»
«Клянусь, стихи слабы и трафаретны.
В них нету змей! – так голубок сказал. -
А львы хранят своих зубов оскал.
И солнышка с луною незаметно
Танцующих, чтоб рухнуть впопыхах,
И не сожжен ливанский кедр в стихах!»
«Я утомлен красою их плясаний, -
Сказал Иус, – а джига, менуэт,
Что видывал я встарь на свадьбах в Кане, -
В них с танцами богов сравненья нет!»
Так Троица⁹, события обсуждая,
Со свитою своей достигла рая.

⁹ Д. Благой в своей беглой, но, вопреки традиции, сочувственной Парни, статье о нем в «Лит. Энци.» утверждает, что «в лице христианской Троицы Парни дает памфлет на торжествующую глуповатую и самодовольную буржуазию Директории, противопоставляя ей низложенных ею гордых и прекрасных богов-аристократов древнегреческого Олимпа». Это замечание несомненно верно в той части, где оно утверждает симпатии Парни на стороне языческих богов; однако, попытка связать Троицу с Директорией вряд ли верна и неоднократно опровергалась французскими литературоведами. В «Войне богов» несомненно звучат пародийные, сатирические и автобиографические нотки (как и в «Гавриилиаде»), но ставить знак равенства, как это делает Благой, вряд ли правильно (*примеч. В. Шеришневича*).

Песнь вторая

Устройство рая. Простое и поучительное наставление Троицы. Ответный обед, данный языческим богам и закончившийся несколькими мистериями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.